

СОЦИОЛОГИЯ

М.М. Шахбанова

**ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
(По результатам переписи 2002 г.)**

За социалистический период развития общества у малочисленных дагестанских народов образовалась интеллигенция, и они в первой послереформенной переписи населения обозначили проблему необходимости этнической идентичности малых народов, которые после переписи 1926г. оказались включенными в состав аварского народа.

В начале XXI в. малочисленные этносы Дагестана заново подняли проблему своего этнического статуса, определяемого ими в первую очередь через этническую самоидентификацию. В чем же проявилась особенность этнической идентичности в период подготовки к всеобщей переписи 2002 г.? В первую очередь, Всеобщая перепись населения 2002 г. обнаружила стремление малочисленных народов республики к самоидентификации, что до этого периода не допускалось, поэтому представляется необходимым остановиться на ней более подробно. По мнению С.В. Чешко, «главная проблема переписи заключается в определении методологических принципов фиксации этнического состава населения и языковой ситуации в стране. Этнические коллизии всех послевоенных переписей сводились, по сути, только к тому, чтобы заранее составить список народов, которые будут присутствовать в итоговых материалах. Хотя со временем было признано, что критерием национальной принадлежности может считаться только личное самоопределение граждан, все виды этнической самоидентификации должны были быть втиснутыми в такие списки. Если какое-то (этническое) самоназвание выходило за рамки перечня, его включали как самоназвание субэтнической группы в тот или иной кодифицированный этноним и не показывали в итоговых материалах.

В перестроечный период в связи с распадом СССР ожидалось своеобразное «раскрепощение» этничности, освобождение ее от бюрократических пут огосударствления. На практике мы являемся свидетелями усиления политизации этничности, что и неудивительно: «постсоветская Россия сохранила главный порок советской государственной системы – политическое статуирование этносов. Это объясняется не только устойчивостью идеологических стереотипов в «национальном вопросе», созданных в советское время, но и тем, что они послужили основой и для разрушения СССР, и для «парада суверенитетов» в самой России. Поэтому вполне логично, что в 1990-е гг. начался лавинообразный процесс, так сказать, этнического грюндерства, когда стали возникать национальные движения и организации, требующие официального признания соответствующих групп населения» (Чешко С.В., 2000. С. 82). В частности, это были «забытые» народы, исчезнувшие из переписей населения после 1926 г., в других – народы или субэтнические общности, которые ранее отдельно не выделялись, впрочем, на это и не претендовали. С чем можно связать такого рода перемены в этническом самосознании малочисленных этносов? Видимо, желанием приобрести определенный этнический статус и связанные с этим возможности политической и экономической выгоды. Хотя нельзя и проигнорировать такой фактор, как стремление приобрести самостоятельность, желание сохранить национальное своеобразие, ибо, несмотря на отсутствие всякой целенаправленной политики государства в отношении малых народов и на свою малочисленность, они сумели сохранить свою этническую самобытность.

Перепись населения демонстрирует, что вопрос этнической идентичности является далеко не праздным, ибо она не позволяет в должной мере отразить этническую структуру российского общества и динамику ее развития, поскольку все такие концепции

вступают в противоречие с базовым принципом переписей – этническим самосознанием граждан. Все теории признают этот фактор важнейшим в исследовании этнических процессов. Разница заключается в том, что теории учитывают много других аспектов, и это правильно в контексте теоретических размышлений, а для переписи нужен единственный критерий. В качестве такового может выступать только собственная этническая самоидентификация людей. Разумеется, это очень субъективный показатель, но такая субъективность все же лучше, чем навязанная людям субъективность со стороны государства с помощью ученых или идеологов национальных движений.

Более десяти лет назад М.В. Крюков, обсуждая практику проведения переписей, предлагал отказаться от составления предварительных списков народов и взять в качестве основного этнонимический принцип фиксации народов тогдашнего СССР, т.е. фиксации всех существующих этнических самоназваний. Тогда это предложение не нашло понимания. Заслуга М.В. Крюкова в том, что в тех условиях он сформулировал некоторые принципиальные идеи, которые противоречили тогдашним стереотипам, а ныне выглядят весьма актуально. Сегодня опасения, связанные с кардинальным изменением в процедуре фиксации этнических общностей, вроде бы получают дополнительное основание в связи с резко усилившейся политизацией этничности и тем самым «этническим грюндерством». Однако если задуматься, этнонимический подход оказывается наиболее нейтральным с точки зрения этнологической теории, поскольку он не противоречит никаким конкурирующим концепциям. Он наиболее инструментален с точки зрения практических нужд государства, включая цели переписи населения, так как позволяет отразить все многообразие этнической мозаики населения страны (*Чешко С.В.*, С. 84–85).

По мнению Э.Ф. Кисриева, «прямая политизация показателя национальной принадлежности породила в республике две проблемные тенденции, которые имеют непосредственное отношение к ...переписи населения 2002 г.... В республике появилась и крепнет ориентация среди представителей малочисленных этнических групп, входящих в состав наиболее крупных дагестанских национальностей, выделиться из их состава и приобрести самостоятельный этнический статус. Смысл этой ориентации совершенно ясен: приобретение статуса отдельной национальности открывает для неформальных лидеров этих малочисленных этносов включение в «список дагестанских национальностей», что обеспечивает гарантированный в определенных пределах допуск к важным политическим должностям. Наиболее эффективным способом, которым можно этого добиться, служит включение отдельной графой накануне Всероссийской переписи 2002 г. своей этнической группы в «список народов России», что ведет к превращению этой группы в «самостоятельную национальность» (*Кисриев Э.Ф.*, 2002).

В настоящее время, по сути, у всех юридически «непризнанных» этносов Дагестана есть инициаторы движения за признание самостоятельного этнического статуса. В большинстве случаев эти этносы незначительны, но известны, например, съезды, проводившиеся андийцами, публичные высказывания авторитетных деятелей из числа цумадинцев и каратинцев. При подготовке к переписи 2002 г. заметно усилились инициативы дидойцев (цезов), в частности, в местной газете «Дидойские вести» распространялись призывы указывать в качестве национальности не «аварцы», а «дидойцы» или «цезы», а в качестве родного языка – «дидойский». В этой же газете опубликовано письмо С.А. Арутюнова, посвященное этническому статусу дидойцев. Аналогичную картину можно было наблюдать в Цумадинском и Ботлихском районах, где проживают малые народы республики (*Кисриев Э.Ф.*, 2000).

Дагестан является полиэтничным регионом, что обуславливает определенную сложность этнологического исследования. Если в предыдущий период развития республики национальный признак не играл существенной роли, то в перестроечный период этнический фактор усиливается, особенно в период переписи. Благодаря принципиальной и жесткой позиции представителей андо-цезской группы в период переписи 2002 г., впервые после 1926 г. дагестанским малым народам удалось добиться своей этнической идентификации: «в переписи 2002 г. в качестве самостоятельных категорий учета (а не

вариантов официальных этнических наименований) появилось более 70 новых... андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, генухцы, годоберинцы, гунзибцы, дидойцы, кайтагцы, каратинцы, кубачинцы, тиндалы, хваршины, чамалалы. В прежних советских переписях (исключая перепись 1926 г., где перечень национальностей была весьма подробно и включала значительную часть вышеперечисленных наименований) узнать численность людей, входящих в эти категории учета, было невозможно, поскольку они при обработке результатов переписи включались в более крупные этнические категории» (Соколовский С.В., 2008. С. 185–186). Надо отметить, что перепись 2002 г. не выявила полной картины по малочисленным народам, т.к. национальная принадлежность некоторых этнических общностей не получила реального отражения в ее итогах.

С фиксацией национальной принадлежности напрямую связана проблема этничности. Актуализация этнической идентичности обуславливает необходимость выделения структурных элементов этнической идентификации, в частности, общность культуры, исторический и современный опыт, а также представления об общем происхождении – в принципе, на чем основывается осознание идентичности. При этом необходимо учитывать, что для культурных признаков характерно варьирование в зависимости от применяемого понятия культуры, а также весьма уязвимы и определения совместного исторического и современного опыта.

Этническую идентичность можно рассматривать как важнейшую основу внутригруппового и межгруппового взаимодействия и призму, через которую преломляется окружающий мир. В качестве основной теоретической предпосылки исследования стало признание того, что этническая идентичность, будучи социально обусловленным конструктом, имеет свойство трансформироваться в зависимости от конкретных социально-политических реалий и варьирует в широком диапазоне от гипо- до гиперидентичности. Крайние формы изменения позитивной этнической идентичности одинаково опасны для межэтнических отношений, нарушая коммуникативный баланс между взаимодействующими этническими общностями, с одной стороны, и нивелируя культурное своеобразие этноса – с другой.

Этническая нетерпимость является характерной чертой межнационального взаимодействия и проявляется она в период кризиса этнической идентичности. Основой ее является повышенная чувствительность к представителям иных национальностей, выражающаяся от незаметного проявления дискомфорта до дискриминации и даже взрывов негодования и ненависти. Носители интолерантного сознания и поведения, позитивно оценивая свою собственную этническую группу (автостереотипы), довольно сильно проявляют негативное восприятие и, соответственно, поведение в отношении других этнических групп. Именно в категории «мы» защищаются установочными образованиями, что является результатом функции защиты позитивной групповой идентичности. А способы такой защиты чаще предполагают не агрессивные формы выражения отношения к иноэтническим группам, а скорее когнитивное искажение. Чем выше уровень межэтнической напряженности, тем сильнее искажены и неадекватны установки, тем чаще они как «действия сознания» совпадают с реальными поступками. Рост негативных атрибуций в этническом образе определяет степень предубежденности субъекта. Чем она выше, тем выше уровень негативного аффективного заряда и тем больше в поведении дискриминирующих моментов по отношению к членам других этнических групп. Наличие в этническом самосознании предрассудков укорачивает дистанцию между интенциями и фактическими действиями в направлении ограничения возможностей, прав и привилегий, которыми могут пользоваться члены дискриминируемой этнической группы, что нередко ведет к массовому и индивидуальному насилию на национальной почве (Солдатова Г.У., 1998. С. 221).

В связи с обозначенной проблемой в социологическом исследовании по изучению этнической идентичности малочисленных дагестанских народов были затрону-

ты вопросы относительно переписи и ее отражение на этническом самочувствии малых народов.

Характеристика выборки социологического исследования. Социологическое исследование по изучению этнического самосознания малочисленных народов проведено в 2010 г. и в 2011 г. в районах их компактного проживания: Ахвахский район (сс. *Карата, Тадмагитль*), Ботлихский район (сс. *Ботлих, Гагатли, Верхнее Годобери*), Бежтинский участок (сс. *Бежта, Гунзиб*), Цунтинский район (сс. *Кидеро, Гутатли Генух, Зехида*), Цумадинский район (сс. *Верхнее Гаквари, Тинди, Хонох, Хварши, Тинди, Хуштада*), Чародинский район (с. *Арчиб*), Хасавюртовский район (с. *Муцаул*), г. Хасавюрт. Опрошено 1456 человека. Опрос проводился количественным методом, распространением анкеты с применением «снежного кома».

Таблица 1

Распределение респондентов по основным характеристикам

	Национальность	
	Количество опрошенных (чел.)	% от общего числа опрошенных
Андийцы	165	12,0
Арчинцы	81	5,7
Ахвахцы	118	8,1
Багулалы	61	7,7
Бежтины	91	11,5
Ботлихцы	100	6,9
Годоберинцы	92	6,5
Генухцы	87	11,0
Гунзибцы	92	11,6
Дидойцы	150	18,9
Каратинцы	106	7,3
Тиндинцы	77	9,7
Чамалалы	85	10,7
Хваршины	145	18,3
Всего:	1454	100
Образование		
Ниже среднего	59	4,1
Среднее	647	45,5
Среднее специальное	351	24,7
Высшее и незаконченное высшее	366	25,7
Всего:	1423	100
Возраст		
До 29 лет	450	31,1
От 30 до 39 лет	444	30,7
От 40 до 49 лет	301	20,8
От 50 лет и выше	252	17,4
Всего:	1447	100
Отношение к религии		
Верующие	1384	96,2
Неверующие	52	3,8
Всего:	1384	100
Социальное положение		
Служащий	368	25,3
Работник физического труда	130	0,9
Безработный	363	38,8

Другое	391	26,9
Всего:	1452	100
Семейное положение		
Женат (замужем)	1043	72,1
Вдова (ец)	53	3,6
Холост (незамужем)	360	24,7
Всего:	1456	100

В опросе 2010 г. респонденты отметили, что у них была возможность во время переписи 2002 г. записать свою этническую (национальную) принадлежность и «спрашивали национальную принадлежность» (40,0%); при этом у 32,2% «не спрашивали национальную принадлежность». Представителей андо-цезов, которые настояли на том, чтобы записать свою национальную принадлежность было 15,4%, а кому отказали – 10,5%. В опросе 2011 г. заметно снижается позиция тех, у кого спрашивали национальную принадлежность (35,7%); количество, отметивших, что «у них не спрашивали национальную принадлежность», осталось почти на прежнем уровне (32,5%). Отметивших, что они настояли на фиксации своей этнической принадлежности и которым отказали переписчики было соответственно 18,5% и 6,6%; 3,3% не приняли участия в переписи.

Добились фиксации своей национальной принадлежности генухцы (77,0%), цезы (72,0%), ботлихцы (16,0%), ахвахцы (11,9%); «не спрашивали национальную принадлежность» у каратинцев (89,1%), багулалов (63,3%), чамалалов (60,0%), арчинцев (48,1%), годоберинцев (44,0%), ахвахцев (35,6%), хваршин (31,0%), бежтин (24,2%), гунзибцев (23,9%) и андийцев (21,2%).

Несмотря на острые споры, в ходе переписи в полной мере зафиксировать свою этническую принадлежность, малочисленным дагестанским народам так и не удалось это сделать, особенно в районах совместного проживания с доминирующим народом: «этнографы отмечают значительные расхождения между известной им и зафиксированной переписью численностями носителей того или иного языка в Дагестане. Причем оказалось, что эти расхождения находятся в полной зависимости от политики районных администраций. Например, в Цумадинском и Ботлихском административных районах эти расхождения чрезвычайно велики, а в Цунтинском – малы. Хваршин, проживающих в Цумадинском районе, оказалось почти в 20 раз меньше прогнозируемого числа, а бежтинцы, проживающие в соседнем административном районе, сумели отстоять свое право на самостоятельный учет. Влияние политического фактора на итоговую численность конкретных показателей этнического учета ярко показано на примере коллизий между научным и политическим подходами в Дагестане...» (Соколовский С.В., 2008. С. 185–186).

Как уже отмечалось, в перестроечное время лидеры малых народов неоднократно поднимали вопрос о необходимости придания их этническим общностям самостоятельного этнического статуса и в нашем опросе респондентам предлагалось выразить свое отношение к фиксации их национальной принадлежности в паспорте. В течение долгого периода данный вопрос, по мнению лидеров малочисленных народов, являлся одной из основных форм скрытой дискриминации в отношении малочисленных этнических групп. Приписывание их к аварцам автоматически закрывало представителям этих народов доступ во властные структуры. Существовавшее в республике квотирование мест по национальной принадлежности привело к тому, что этнические аварцы больше были представлены в органах государственной власти, чем представители малых народов, включенные в состав аварцев.

В нашем исследовании респонденты ответили, что в советский период в паспорте их национальная принадлежность была правильно указана (44,2%), 24,3% не разделяют данную позицию, считая, что их национальная принадлежность не соответствовала реальной, и 21,5% «затрудились ответить».

По этнической принадлежности на правильность фиксации своей национальной принадлежности указали 74,0% тиндинцев, 65,0% багулалов, 56,8% арчинцев, 54,9% бежтин, 50,0% цезов, 48,8% чамалалов, 45,5% андийцев, 44,6% годоберинцев, 40,2% гунзиб-

цев, 27,0% ботлихцев, 21,8% генухцев. При этом 51,7% хваршин, 35,9% гунзибцев, 34,6% арчинцев, 33,3% цезов, 31,5% андийцев, 26,3% ахвахцев, 20,9% бежтин и 17,5% чамалалов считают, что их этническая принадлежность была неправильно записана в паспорте. Вариант *«не знаю»* отметили 61,0% ботлихцев, 47,8% годоберинцев, 25,0% чамалалов и 20,7% гунзибцев.

Несмотря на опасения исследователей, что «если хотя бы одному из так называемых малочисленных этносов (их всего 16), принадлежащих в настоящее время к самым многочисленным (аварской или даргинской) национальностям, удастся добиться включения себя в «список народов», то вся уже установившаяся структура политической власти в Дагестане начнет разваливаться» (*Кисриев Э.Ф.*, 2002.), однако кардинальных изменений в политической структуре республики не произошло.

В нашем исследовании важным является выявление отношения представителей андо-цезской группы к аварцам и какие последствия имело присоединение изучаемых народов к аварскому народу. Респондентам был задан вопрос *«Согласны ли Вы с мнением, что против воли Вашего народа он был присоединен к аварскому народу?»*. По всей совокупности опрошенных затруднились ответить 16,9%, положительно ответили 26,3%, и отрицательно – 51,2%. По этнической принадлежности ответы распределились следующим образом: 51,1% гунзибцев, 48,7% цезов, 47,2% каратинцев, 30,9% андийцев, 29,7% ахвахцев считают, что их народ был присоединен к аварцам без учета их мнения. Если посмотреть полученные результаты по возрастному признаку, то доля положительно ответивших с возрастом повышается: «до 29 лет» (23,6%), «от 40 до 49 лет» (28,2%), «от 50 лет и выше» (39,3%), за исключением категории «от 30 до 39 лет» (20,3%).

Последствия присоединения андо-цезских народов к аварцам и как это отразилось на их этническом статусе выявлено в ответах на вопрос *«Присоединение к аварскому народу привело ли к ухудшению этнического статуса Вашего народа?»*. В общественном мнении андо-цезов преобладают две положительные позиции: *«присоединение никак не повлияло на наше положение, ибо мы сохранили свой национальный язык и культуру»* (33,9%) и *«мы сохранили не только свой язык, но и приобщились к аварскому языку и культуре»* (31,2%). Наряду с этим, доля респондентов указавших на негативные последствия присоединения к аварскому народу не столь значительная: начали утрачивать *«национальный язык»* и *«национальные традиции и обычаи»* – 11,5% и 19,8%, соответственно.

Больше половины генухцев (75,9%) считают, что *«они начали утрачивать наши национальные традиции и обычаи»* и аналогичного мнения придерживаются цезы (35,3%), ботлихцы (22,2%); *«начали утрачивать свой национальный язык»* – 26,7% цезов, 20,8% тиндинцев, 18,8% андийцев.

Если посмотреть на результаты по образовательному статусу, то респондентам с уровнем образования «ниже среднего» и со «средним» ближе суждение *«присоединение никак не повлияло на наше положение, ибо мы сохранили свой национальный язык и культуру»*, 35,0% и 40,8%, соответственно; позицию *«мы сохранили не только свой язык, но и приобщились к аварскому языку и культуре»* разделяет категории с более высоким образовательным статусом: со «средним специальным» (30,2%) и с «высшим» (36,9%); доля оценивающих негативно присоединение к аварцам больше среди респондентов со средним специальным образованием: *«начали утрачивать наши национальные традиции и обычаи»* (22,0%) и *«начали утрачивать свой национальный язык»* (17,4%).

Осознание этнической идентичности у разных этносов может происходить по-разному. Связано может быть с численностью народа, наличием территориального образования, селениями компактного расселения, поэтому процессы этнической идентичности представляется необходимым рассмотреть через призму межнациональных взаимоотношений, изучения предпочтительности или избегания межнационального общения и контактирования, ценностей и символов этничности.

Одним из важнейших признаков в структуре этнической идентичности является территория проживания. В нашем исследовании респондентам был задан вопрос *«Что Вы понимаете под исторической территорией своего народа?»* Позиции *«территория, на которой жили предки моего народа»* придерживаются 93,6% чамалалов, 67,1% ахвахцев,

62,0% годоберинцев, 61,3% андийцев, 60,3% цезов, 60,0% багулалов, 58,3% каратинцев, 56,9% ботлихцев, 53,5% арчинцев, 51,0% хваршин, 47,3% тиндинцев, 40,0% генухцев и 33,3% бежтинцев. Мнение «территория, на которой в данное время проживают представители моего народа» разделяют генухцы (40,0%), бежитины (33,3%), годоберинцы (31,5%) и арчинцы (23,3%). Суждение «территория, на которой имеют право жить только представители моего народа» близко 33,3% бежтинцев, 20,6% цезов, 20,3% тиндинцев и 17,2% ботлихцев.

Определяя наиболее значимые ценности и символы, андо-цезская этническая группа, признак «территория моего населенного пункта (села)» (32,2%) поставила на третье ранговое место, уступив позицию «религии» (63,6%) и «традициям и обычаям моего народа» (49,5%). Менее ценными для респондентов являются «исторические памятники моего народа» (13,5%), «национальная культура, литература, песни, музыка, танцы, фольклор (предания)» (10,6%) и «флаг, герб и гимн России» (9,7%).

Если отбросить в сторону религиозный компонент и обратиться собственно к этническим символам, то 34,8% гунзибцев, 43,5% багулалов, 50,5% андийцев, 51,7% ботлихцев, 66,7% бежтинцев, 70,7% годоберинцев и 90,4% чамалалов выделили «традиции и обычаи моего народа».

В качестве символа «территорию своего населенного пункта (села)» отметили 30,4% гунзибцев, 34,7% хваршин, 42,7% ахвахцев, 52,4% цезов, 57,0% арчинцев и 60,0% генухцев. Из всех опрошенных народов наибольшее количество чамалалов – 40,4% – указало «исторические памятники моего народа»; 23,5% багулалов «флаг, герб и гимн России» и 27,2% годоберинцев – «национальная культура, литература, песни, музыка, танцы, фольклор (предания)». Как видим по полученным результатам, в общественном сознании андо-цезских народов преобладает предпочтение собственно этнических символов и ценностей, а ценности государственной символики отходят на второй план.

На процессах этнической идентификации и этническом самочувствии андо-цезских народов негативно отразилось их насильственное переселение в 1944 г. на территорию Чечено-Ингушской АССР и последующее расселение на территории республики в 1957 г., разрушение традиционного уклада их хозяйствования, отсутствие мер, направленных на их реабилитации. Подготовка к Всероссийской переписи 2002 г. способствовала росту этнической идентичности малочисленных народов. Однако отсутствие возможностей для этнической самоидентификации негативно сказалось на этническом статусе исследуемых народов. Формально они обладают всеми правами, но в политико-правовом пространстве их права и, соответственно, возможности ограничены.

Выводы:

1. Наше исследование демонстрирует стремление андо-цезских народов к самоидентификации и данный процесс связывают с возможностью определить свой этнический статус через перепись населения.
2. Общественному мнению андо-цезских народов характерна позитивная оценка последствий присоединения их к аварцам, при отсутствии негативных стереотипов и интолерантного восприятия.
3. Отказ в фиксации их этнической принадлежности воспринимается малыми народами как ущемление их национального статуса, что, в конечном итоге, деформирует их этническую идентичность.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кисриев Э.Ф., 2000. Республика Дагестан // http://eawarn.ru/pub/EthnoCensusWebHomePutPerepis/put_perepis_05.htm

Соколовский С.В., 2008. Рецензия на книгу: «Этнокультурный облик России: перепись 2002 года» // Отв. ред. В.В.Степанов, В.А. Тишков. М., 2007 // Этнографическое обозрение. № 3.

Солдатова Г.У., 1998. Психология межэтнической напряженности. М.